

Плач вдовы по мужу, погибшему в Киваче при сплаве леса

Села-то я, бедная, подумала,
Я раздумалась своим да умом-разумом:
Как на исходе-то холодная-студёная зимушка,
Наступает-то гульлива да разливна красна вёснушка,
Приходит-то тёпло красное вот летушко.
Как потают вот пушистые снежочки,
Разнесёт-то хрустальнпе лёдочки,
Поразольются озёра, бережочки,
Как пойдут да добры людушки, пойдут да поразъедутся
По всим-то по разным сторонушкам,
По всяким-то оны да по наживушкам;
Как мой-то законная семеюшка
Куда удалится ли отправится али при́ доме останется?
Подходил-то мой законная семеюшка ко косивчату окошечку,
Он садился на бросову белу лавочку,
Он садился призадумавши,
Приклонил-то свою млáдную головушку,
Утопил да свои ясные он оченьки.
Говорила я, кручинная головушка:
«Ты чего сидишь теперь да призадумался,
Чужих басен ты чего же приослушался,
У молодушек ли ты да разговорушек,
Ли у девушек жупливых жалких лисенок,
Ли у старушенек ли ты да повестушечек?»
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Ничего я не ослушался, уж я только призадумался.
Как теби-то нет заботушки в головушке,
А у мя много заботушки в головушке!
Как долит-то вот великая заботушка
И крушит мою млáдную головушку,
Холодит мое ретивоё сердечушко.
Вот зима теперь кончается и весна да приближается.
Денежки теперь да придержалися,

Хлебушки у нас теперь лриелися,
И наживушки теперь да не привидится, а работы не прислышится,
Я не знаю сам теперечу, не ведаю,
Мни куды идти теперь да на наживушку,
Мни в которую отправиться сторонушку?
Уж я сдумал-то своим да умом-разумом:
Теперь люди-то на сплав да отправляются,
Да на выгонку бревенну снаряжаются,
Либо мне туда вот с ним а да отправиться?
Там работушка ведь срúчная,
Там ведь плата есть хорошая,
Там есть хлебушки готовые,
Ли отправлюсь, добрый молодец?»
Говорила я, кручинная головушка:
«Не ходи-ко ты на эту наживушку —
Хоть много-то туда да отправляются,
Да много и назад не возвращаются;
Там нажива есiь не славная, а работа там задорная,
Там ведь служба беспокойная!
Та работушка тебе будет несрúчная,
К той работушке-то вы да непривычный,
Там да никогда вы не бывали,
Той работки и в глаза вы не видали,
Там по утрышку ставать надо ранешенько,
До красного до праведного солнышка,
А по вечеру ложиться спать поздешенько
Не на мягкую постелюшку, а на матушку сыру землю;
А постелюшка та — травонька мурáвая да мягкие мошочки,
А зголовьице-то — сини камешёчики!
Надо цельный день по бережку похаживать,
По всим-то по сторонушкам посматривать,
Скорешенько поскакивать, поскорее-то подбегивать;
Надо бегать по холодной ключевой воды,
Скакать надо прискакивать по лесам да по бревёшечкам,
За порядком-то посматривать,
Да бревёшечки направлять по ключёвой свежей водушке,
Их от бережков отпихивать, по реке их в ход налаживать!
Там хоть реки не широкие — есте длинные, безмерные,
Там места есте опасные,

Переплавы есте узкие, места да каменистые,
Там пороги есть свирепые,
Там вода бежит сердитая,
Вода бежит, сыграется, сердито колыбается,
В падуны она стекается;
В падунах места топучие,
Подходы туда трудные.
Бревна йдут по водушке, задеваются за камешки,
Бревно с бревном встречается,
Там заломы набиваются, те заломы есте страшные.
Подходить надо со трудностью, избавлять да их с опасностью.
Подбегать надо смелешенько, избавлять надо скорешенько,
Не стоять да не постаивать, других да не поджидывать,
Не дорожить своей млáдоей головушкой,
Своей жизнью да сесветной.
Поскорешенько канат надо подхватывать,
Ко деревцам на бёрежках привязывать,
Сквозь люлечку канат надо протягивать,
Поспешать надо во люлечку взаскакивать,
Крестить надо глаза да на святителей,
Избавлять надо бревёшки поскорешенько со залома-то великого,
Поддевать надо баграмы да умнешенько!
Ту осмелить надо млáдую головушку.
В тую пору, в тое времечко много силы надо ловкости,
Много удати прибавити — со залома бревна сбавити,
Впредь по водушке отправить.
А как и то есте случается, что головки там кончаются.
Как задрожат да ручки белые,
Как не выхватит-то силушки в могутных во плечушках,
Как, может, скружит ихну млáдую головушку —
Тут повёрнётся-то люлька на канатике,
Тогда падают удалые головушки
В кипучую, в сердитую во водушку.
Тогда жизнь да их кончается и головушки решаются».
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Везди-то всегда люди вот бывают,
А без суда-то смертей не получают.
Я на реченьку пойду да не на дальнюю, — я на самую на ближнюю,
Я на сплавку Кондопожскую, на реку пойду на Суньскую.

Я пойду туда близешенько, придет весть да вам скорешенько!»
Снарядила я удалую головушку, отправила законную семеюшку.
Пошел-то он в путистую дороженьку,
Он пошел-то на добычу на наживушку,
Уж мы с им да расставались, уж мы с им да распрощались.
Туды сошли наши удáлы добры молодцы,
Поступили-то оны да на работушку,
На спешную работку, не на свичную;
Стали оны, молодчики, работати,
Денечки вечéриком коротати.
Там длиннешеньки денечики казались,
Им работка там не нравилась.
По реки Суны отправились, пó быстрой оны наладились,
Как по бережкам стали оны похаживать, леса стали направлять.
Подходили ко местам оны опасным,
Ко крежам оны ко кру́тым, ко порогам ко быстрым,
К падунам семисаженным, ко Гірвас под названием.
Тут оны заломы избавляли, впредь леса они по Суны отправляли,
Вдоль по речке продолжались, к Пор-порогу приближались;
Тут вода да разыгралась,
Встрету бревна да стретались и заломы набивались,
Тут молодчики спешилися, за багры оны хватались,
Тут оны да подловчились, за заломы принимались,
Вдруг леса да избавлялися, вниз по реченьке спускалися!
Тут пошли оны по-старому, погналі леса по-прежнему;
Шли по кру́тым по бережкам, шутили разны шуточки,
Спевали-то оны да разны песенки,
Шли по реченьке, смеялися, к Кивачу да приближались.
Как Кивач — место опасное:
Тут река бежит свирипая, а вода есте сердитая,
Тут есть место кряжёвитое, тоё место каменливое.
Как тут бревна поверта́лися, тут заломы набивались,
Заломы ты великие, леса да тут бессчетные, на сумму ту огромную.
Как молодчики в тот час да ужасалися,
Круг залама-то оны стали побегивать,
В головах сталі оны почесывать,
Сталі оны багорики похватывать.
«Вы, робятушки, старайтесь-ко, вы за трости принимайтесь-ко,
Вы за люлечку хватайтесь-ко!»

Хватали-то канатики скорешенько, брали́-то оны люлечку живешенько,
Протя́гали сквозь люлечку канатики смоленные,
Причаля́ли оны трости да ко бережкам,
Скакали-то скорехенько во люлечку,
Стали люлечку близешенько подваживать,
Самы стали «Дубинушку» покрывивать,
Самы стали багорца-то направляивать да за дёревцы захватывать.
Хоть было́-то у их ловкости,
А не хватило только силушки,
Как подрезало у их да ножки резвые,
Задрожали-то у их да ручки белые,
Закружились-то мла́дые головушки,
Тут упали-то багорышки со рученек,
Тут свернулась-то у их да эта люлечка,
Тут упали-то удалые головушки
В кипучую, в холодную во водушку,
Тут тонули-то наши добрые-то молодцы,
Тут пришла им скоро неначаянна смерётушка!
Видно, богом та смерётка им да сужена,
Да самы ихны головушки на суд пришли!
Их забило во глубокую, во холодную во водушку,
В глубину их утащило непомерную;
Приломало им тут белые-то рученьки,
Придавило ихны мла́дые головушки,
Протащило их по быстрой по реченьке,
Их бросало-то на крутые на бережки!
Тут нашли да их товарищи,
Поднимали их на белые на рученьки.
Уж как что-то на себе да пригодилось,
В том в земелюшку молодчики ложились!
Им ни гроба и ни савана, ни досок да посторонниих,
Не наладили веко́вого-то им одеяньица,
Домовищечка не сделали векового,
Ни петья́ божья́ церковного да ни звону колокольного,
Да не при́звали попа-отца духовного!
Как пришло нам письмо-грамотка нерадостно,
Извесьи́цо пришло да невеселое —
Нет во живности нашей-то удалой головойки,
Что пришла ему скорая неначаянна смерётушка.

Тут съужа́хнулось ретивое сердечушко!
Как-то стану жить я, беднушка-горющица,
Как возвращать рожонных сердечных малых детушек
Во вдовиной во победной в сиротской во жирушке?
Хоть жирушка была да мни-ка нужная,
Так я жена да была мужняя;
А уж как нынечу-теперичу сказать да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько —
Нелюбимое вдовиное словечко я теперь да получила,
Я осталась вот, победная головушка,
Я во скудной во нужной во жирушке!
Не осталось именица, богачества,
Не осталось у нас да золотой казны;
Уж как быдто с корабля да с безызвестного,
Мы остались, победны, беспоместные,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы, победные, остались сиротиночки,
От бережка отчалили — ко другому не приехали!
Не поверю я, победнушка, ни письму да я ни грамотке, я ни верному
известьцу,
Я сама туда отправлюся, на место на погибшее,
К Кивачу да ко названному, к падуну да ко утоплону;
Стану я по реченьке похаживать
Да у людюшек выпрашивать, у товарищей выведывать:
«Вы скажите-ко, пожалуйста, говорите, не маните-ко,
Ужель есть еще во живности
Моя-то законная семеюшка да удалая головушка?»
Охти мни, бедной горющице, сама знаю, сама ведаю —
Письмо-грамотка не ложная, а известье не подложное;
Уж как век того не водится — со мертвы́х живы не родятся!

(Зап. от Н. С. Богдановой)

Н. С. Шайжин. Олонецкие водопады Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описаниях туристов. Петрозаводск, 1907.